

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.20>

Галлямов Роман Ильмирович

ПОЛИТИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ БИОПОЛИТИКИ

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи науки и политики в современном обществе. Историческая связь знания и власти привела к тому, что в наше время наука оказывается вовлеченной в политический процесс. Биополитика как новый тип управления обществом использует научное знание для обоснования необходимости власти и ее сохранения. В работе приводится анализ процесса политизации знания с ретроспективой в эпохи Античности и Нового времени, в которых научное знание было самостоятельным и не имело прямого отношения к политике, и в ходе анализа выясняется, что политизация знания является одним из условий появления биополитики в XIX веке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/9/20.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 101-106. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философия науки и техники

Philosophy of Science and Technology

УДК 1; 001.3

Дата поступления рукописи: 26.06.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.20>

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи науки и политики в современном обществе. Историческая связь знания и власти привела к тому, что в наше время наука оказывается вовлеченной в политический процесс. Биополитика как новый тип управления обществом использует научное знание для обоснования необходимости власти и ее сохранения. В работе приводится анализ процесса политизации знания с ретроспективой в эпохи Античности и Нового времени, в которых научное знание было самостоятельным и не имело прямого отношения к политике, и в ходе анализа выясняется, что политизация знания является одним из условий появления биополитики в XIX веке.

Ключевые слова и фразы: политизация знания; биополитика; классический/неклассический тип научной рациональности; население; научное знание; политическая власть.

Галлямов Роман Ильмович

Санкт-Петербургский государственный университет

gallyamovri@gmail.com

ПОЛИТИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ БИОПОЛИТИКИ

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00826 А «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискуссий».

Введение

Обращаясь к проблемам политических исследований, мы с неизбежностью сталкиваемся с вопросами о связи политики и научного знания. Причем сегодня становится очевидным тот факт, что научное знание оказалось в ситуации частичной политизации: все чаще в исследованиях науки учеными движет не желание познать тайны природы, систематизировать явления мира, открыть истину последней инстанции, а, напротив, желания более политического, экономического или социального характера. И. Т. Касавин писал, что в классическую эпоху, когда только появилась наука в современном значении этого слова, связь науки с политикой была недопустима, так как она дискредитировала любое научное знание как ангажированное сторонними интересами, поэтому научное сообщество устами Лондонского королевского общества отказалось от вопросов, связанных с религией и политикой, но уже в XX веке мы сталкиваемся с таким использованием достижений науки, которые не оставляют сомнений в политизации научного знания [5, с. 92].

Вопрос о политизации научного знания получает новую актуальность в связи с исследованиями французского философа М. Фуко [9; 15], а также других философов [1; 2; 4], которые занимались и занимаются вопросами политической философии. В своих работах Фуко интересуется формами управления обществом и приходит к выводу, что современное западное общество оказывается в ситуации биополитики – качественно новом типе управления. Таким образом, попытка понять, как научное знание, будучи политизированным, оказывается одним из ключевых элементов нового типа управления общества, представляется весьма **актуальной**. Отсюда вытекает и **научная новизна** данного исследования, ведь, несмотря на то, что еще сам Фуко писал о том, как связаны знание и биополитика, несмотря на то, что отношение науки и политики является важным вопросом не только в философии науки, но также и в политической науке, и во многих других гуманитарных исследованиях, никто еще не акцентировал внимание на сам процесс политизации научного знания в его связи со становлением биополитики.

Итак, **цель** данного исследования заключается в выявлении и оценке связи между знанием и властью, в которой политическое находится в господствующем положении, и как эта связь между знанием и властью стала основанием для совершенно нового типа управления – биополитики. Исходя из поставленной цели, можно сформулировать следующие **задачи**: во-первых, охарактеризовать саму ситуацию биополитики, в которой находится современное общество, во-вторых, обнаружить истоки связи между знанием и властью, затем

попытаться провести ретроспективу данной связи и, наконец, понять, как же соотносятся два процесса: политизация научного знания и становление биополитики. Соответственно поставленным задачам и будет строиться логика изложения материала.

Что такое биополитика?

Как было сказано, концептом биополитики мы обязаны Мишелю Фуко. В нескольких курсах, прочитанных в Коллеж де Франс [9; 15], он обратился к проблеме «управленчества». Фуко концептуализирует такой тип управления, который характеризуется особым отношением к демосу. Если, к примеру, взять тип управления, о котором писал Макиавелли, то можно обнаружить, как пишет Фуко, что там власть в первую очередь заботится о сохранности территории от врагов государства. В эпоху Нового времени ситуация стала кардинально меняться, и в итоге к началу XIX века первостепенной задачей государства стала забота о населении, которое трактовалось чисто биологически, как биомасса, основными характеристиками которой являются рождаемость, смертность, заболеваемость и т.д. Эти показатели и стали интересовать правительство, и раз ему, т.е. правительству, теперь интересна статистика, то индивидуальность ныне отходит на второй план. При организации государственных отношений большее внимание уделяется тому, как сохранить и приумножить население, которое является залогом существования государства. Следовательно, необходимо правильно организовать институты полиции, здравоохранения, политики и т.п. Организовать их так, чтобы управляющее воздействие ограничивалось пределами необходимого и достаточного [9, с. 101]. Государство решило эту задачу путем манипуляции тем, что в Средние века называлось «желанием», и если раньше желание народа характеризовалось негативно, как то, что сбивает человека с правильного пути, то теперь желанием населения можно управлять, а именно направить его туда, куда государству это выгодно. «Они, следовательно, заинтересованы не в ограничении стремления к земным благам или самолюбия в смысле любви к себе, но, напротив, в том, что стимулирует, развивает это стремление таким образом, чтобы они приносили плоды, которые должны приносить» [Там же, с. 111]. Другими словами, государству больше нет необходимости устраивать общество таким образом, чтобы ни одно действие отдельно взятого индивида не оставалось без внимания. Достаточно лишь, манипулируя человеческой природой, природой биологической, создать такой порядок, в котором отдельному индивиду не придет в голову даже мысль о том, чтобы выйти за рамки нормального. Итак, население, находясь под полным контролем, должно чувствовать себя в достаточной степени свободным – вот как можно охарактеризовать ситуацию биополитики.

Следует обратить внимание, что данная система не обязательно должна быть расценена как негативная, по крайней мере, с обыденной точки зрения. Ведь пока человек не обращает внимания на систему властных отношений вокруг него, его существование не ставится под вопрос им самим, соответственно, негативная оценка системы биополитики не имеет оснований. С другой же стороны, когда субъект осознает систему отношений, сложившуюся вокруг его существования, когда начинается рефлексия о властных отношениях, окружающих его не только в контексте политического управления, но и на совершенно обыденном уровне, например в семейных отношениях, он видит в этой системе инструмент подавления его индивидуальности, что, конечно же, является негативной характеристикой для человека Просвещения.

Как связаны власть и знание?

Теперь рассмотрим главный вопрос: каким же образом в систему биополитики вплетены научное знание и сама наука? Для этого вновь обратимся к Фуко, но теперь к его статье «Что такое Просвещение?». В ней он дает анализ кантовского ответа на тот же вопрос и выделяет три члена любого типа отношений власти, три оси, вокруг которых развивается система управления, в том числе управления государством. Три этих оси суть отношений, которые Фуко характеризует как «область господства над вещами, область действий по отношению к другим и область отношения к самому себе» [16, с. 356]. Этими отношениями являются знание, власть и этос. Однако, несмотря на то, что отношения эти представляют разные аспекты человеческой жизни, они переплетаются между собой и создают неразрывное единство. «Нельзя сказать, что эти три области совершенно чужеродны друг другу. Разумеется, господство над вещами осуществляется через отношение к другим, а последнее всегда предполагает отношение к себе; и наоборот» [Там же].

Другими словами, в точке, которую можно назвать «управлением обществом», сливаются знание, власть и этос. Если же мы говорим о современном обществе, то по большей части имеем дело с институтами политики, науки и этики. Конечно, мы не отождествляем науку со знанием, а политику с властью. Однако если мы говорим о современной ситуации, об «управлении обществом», имея в виду европейское общество сегодня, то тут, разумеется, предполагается политическая власть в первую очередь, ведь как только человек рождается, он сразу же попадает под властные отношения, регулируемые государством, и с самого детства человек живет в контексте власти, которая исходит буквально отовсюду: от институтов семьи, образования, медицины и т.д. Но и научное знание оказывается наиболее важным видом знания, так как именно наука в современном обществе отвечает за мировоззрение современного человека, так же как религия отвечала за мировоззрение человека Средневековья.

Что же касается последнего элемента управления – этоса, – в ситуации биополитики он уходит в забвение. Случается это потому, что задача биополитической системы управления сводится к тому, чтобы максимально рационализировать политическое пространство, создать колоссальный механизм управления обществом, некую рационализирующую машину. И история уже имела опыт крайних форм таких машин – это фашизм и сталинизм. Фуко пишет: «После двух великих экспериментов (опыта фашизма и опыта сталинизма) мы вдруг ощутили, что под государственным органами, на совершенно ином уровне и до некоторой степени от них независимо, существовала целая механика власти, осуществлявшаяся постоянно, непрерывно

и насильственно; она позволяла сохранять прочность и жесткость социального тела, причем играла в этом деле не меньшую роль, чем основные государственные органы, вроде армии или правосудия» [11, с. 172]. Нетрудно заметить, что и знание в таких условиях оказывается максимально политизированным. Можно предположить, что причина такой трансформации политических практик заключается как раз в недостатке отношения человека к самому себе, в недостатке в человеке этоса. И в практиках себя, практиках заботы о себе, о которых пишет Фуко, философ видит выход из ситуации тотальной политизации, для того чтобы избежать подобных эксцессов, которые, по сути, являются закономерным результатом процесса развития политики в отрыве от этоса.

История взаимоотношения знания и власти

Итак, если связь знания и власти имеет основополагающий характер, что же тогда означает политизация знания? Нетрудно обнаружить, и в дальнейшем будут приведены примеры, что наука имеет свои цели, задачи и методы, отличные от целей, задач и методов политических институтов. Выше было сказано о максиме Лондонского королевского общества, которая провозглашает направленность на получение объективного знания и незаинтересованность в вопросах политики и религии. Однако история нам наглядно показывает, что развитие науки ведет к тому, что в ней все большую роль играют цели политического, экономического и социального характера, показательным примером чего является разработка атомного оружия. Когда наука становится инструментом политического управления, когда она оказывается под контролем политической власти, как это было, например, в тоталитарном Советском Союзе, в котором на замену западной идеалистической биологии была выдвинута материалистическая биология, которая для настоящих ученых не имела ничего общего с наукой [3, с. 14], в таком случае мы имеем дело с политизированной наукой.

Обратимся к истории развития отношения между властью и знанием. Чаще всего классическую новоевропейскую науку характеризуют с точки зрения ее направленности на изучение и систематизацию объективного мира. Можно с уверенностью сказать, что у науки есть своя задача, нетождественная задачам политики. Возьмем, например, греческий мир в качестве доклассического типа научной рациональности: наука, и в том числе, разумеется, греческая философия, направляет свои силы не на то, чтобы обосновать необходимость власти и политики, но на то, чтобы обосновать положение человека в мире, в космосе, с этим согласуется и политическая наука, цель которой – обосновать положение человека в полисе.

С другой стороны, как говорит Фуко в выступлении «Порядок дискурса», уже в греческий период истории знание выступало источником для понимания правильного управления обществом. Знание из других источников, будь то математика, медицина или философия, находит свое отражение в науке управления государством на основании аналогии между космосом и микрокосмом в виде человека. В этом находит свое обоснование, например, то, что пишет Платон в VII книге «Государства», а именно, что наука о числах и счете необходима для того, кто хочет заниматься политикой [7]. Или, например, то, что пишет Фуко: «Старый греческий принцип: занятием демократических городов вполне может быть арифметика, так как она учит отношениям равенства, но только геометрия должна преподаваться в олигархиях, поскольку она демонстрирует пропорции в неравенстве» [14, с. 57].

Влияние греческого знания на практики власти имеет свое обоснование и в диалектике истинного и ложного. Противопоставление истинного и ложного стало прообразом не только для модели нашего познания, но и для общественной жизни уже в Средние века, когда изолирование тех, кто не вписывался в общественную жизнь, стало задачей целых институтов исключения. Что же касается греческой науки как границы, разделяющей людей, то те граждане, которые знают истину, становятся важными политическими фигурами, так как именно те, кто знает истину, способны правильно управлять обществом, те же, кто идет вразрез с истиной, должны быть исключены из жизни общества.

Мы видим, что в греческую эпоху наука об управлении была самостоятельной, то есть знание, необходимое для правильного управления государством, было заложено в самой науке об управлении. Однако с развитием политических отношений в государстве политическая наука ощутила нехватку знания для управления населением. Появилась необходимость использовать знание, которое не содержится в науке об управлении. Отсюда берет начало разделение, которое станет ключевым для биополитики: разделение на знание, которое является внутренним по отношению к науке управления, то есть знание, необходимое любому, кто хочет управлять обществом, и знание, которое остается слишком специфическим для науки управления, поэтому становится внешним для нее. «То есть это уже не знание, внутренне присущее искусству управления, это уже не просто расчет, который должен рождаться внутри практики тех, кто управляет. Перед вами наука, которая в каком-то отношении возглавляет искусство управления, наука, которая является для него внешней и которую можно обосновать, установить, развивать, доказывать от начала и до конца, даже если и не заниматься управлением, даже если не практиковать это искусство управления. Но следствия этой науки, результаты этой науки – без них управление не может совершаться» [9, с. 452-453]. Иначе говоря, сталкиваясь с развитием форм управления обществом, с развитием научного знания и, наконец, с вызовами, которые природа бросает обществу, политика не в состоянии самостоятельно справиться с задачами политической власти, она вынуждена прибегать к помощи второго вида знания.

Как пример влияния научного знания на политическую деятельность уже в Новое время и при новоевропейской науке рассмотрим анализ практик предотвращения эпидемии чумы, которую приводит Фуко, разбирая методы дисциплинарной формы власти. Он обращается к записям, датируемым XVII веком, в которых содержится ряд серьезных мер, таких как изоляция зараженных, сжигание мебели и прочей утвари,

дезинфекция домов и т.д. Фуко характеризует их как порядок, противодействующий «смещению», хаосу в лице чумы [12, с. 288]. Но порядок здесь достигается лишь на основе научного знания, знания, полученного в результате исследования зараженных чумой, знание, которое состоит в том, что необходима изоляция очага эпидемии, чтобы не дать болезни распространяться. Для того чтобы сохранить население от пандемии, подобной той, что имела место в XIV веке, политическая власть обращается к науке, к знанию, которое она предоставляет, и в итоге это позволяет организовать новые механизмы исключения. Знание о чуме влияет теперь не только на необходимость лечения, но и на необходимость профилактических действий на государственном уровне: от канализационной системы до планировки городов. Таким образом, научное знание получает новое место в политических практиках, и это далеко не единственный пример.

Другой пример нового отношения между политикой и наукой можно обнаружить у французского философа Бруно Латура. В своей книге «Пастер: война и мир микробов» он описывает историю открытия Пастером микроорганизмов, которые оказывают существенное влияние на жизнь человека и, соответственно, на жизнь населения. Он пишет следующее: «Самое меньшее, что можно сказать: почти за двадцать лет мы так и не ушли от путаницы между наукой и политикой – напротив, история усилила ее многократно» [6, с. 27]. Иначе говоря, Латур согласен с Фуко в том, что наука и политика вместе сосуществуют, а также с тем, что сегодня граница между ними оказывается размытой. Что же касается Пастера и его значения в науке, Латур видит глубинный смысл открытия Пастера в том, что теперь наука стала способна начать революцию, причем революцию политическую. Пастер, гигиенисты, вообще ученые стали теперь не менее важными политическими фигурами, чем Наполеон, Йорки и Ланкастеры, консерваторы и т.д. «Пастерианцы не представляют собой ни рычага, ни груза, ни рабочего, выполняющего работу, однако они предлагают гигиенистам точку опоры. <...> Они делают врага видимым. Не изменяя ни армии, ни хода сражения, ни даже командования, они указывают, куда направлять удары. Это ничто и это все» [Там же, с. 70]. Так, по мнению Латура, в политическую игру вступают новые игроки, в первую очередь это микробы, роль которых была не раскрыта. Теперь же, когда их лик явлен миру, их влияние на население возможно изучать, а значит, и корректировать, новые ученые берут власть в свои руки. В итоге и ученые, и микробы (в случае Пастера) становятся новыми субъектами политической деятельности.

Политизация знания и появление биополитики

Из приведенных примеров видно, что знание и власть еще с древних времен находятся в некотором единстве, которое называется «управлением обществом». Однако и первое, и второе могут в то же время рассматриваться как нечто самостоятельное, обладающее своими целью, задачами и методами. Иначе говоря, до середины XIX века знание и власть находились в устойчивом отношении в рамках науки и политики, но в ситуации биополитики это отношение оказывается искаженным. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что хотя, как и раньше, современная наука сохраняет стремление к получению практически полезного знания, в ней все большую роль играют цели экономического и политического характера. Связано это не столько с появлением биополитики, сколько с тем, что изменился тип научной рациональности: на смену классической научности пришла научность неклассическая, в которой нарушается устойчивая связь, имевшая место на протяжении всей истории, на смену классической однозначности и детерминации приходит время оппозитивных, но тем не менее достоверных теорий, в условиях которых теперь приходится действовать подобно политике, чтобы бороться за право своей теории быть основной [5].

В качестве демонстрации нарушения связи знания и власти Фуко описывает «парадокс отношения между техническими возможностями (*saracité*) и властью». Он пишет, что в XVIII веке общество грезило о том, что чем лучше будет освоено управление вещами, чем лучше будет развита наука и техника, тем больше возможности получит индивидуальность для реализации своей свободы. «Можно сказать, – пишет Фуко, – что приобретение новых возможностей и борьба за свободу были постоянными элементами истории западного общества на всем ее протяжении» [16, с. 355]. В сознании людей сложилось отношение прямой пропорциональности между развитием науки и степенью свободы личности: научно-технический прогресс обеспечивает большую индивидуальную свободу. Однако это отношение стало обратно пропорциональным: теперь большая развитость научного знания ведет к уменьшению степени свободы отдельного человека. Об этом писал еще Шиллер в «Письмах об эстетическом воспитании», в которых ввел понятие «отчуждения» человека от своей сущности по причине развития цивилизации, разделения труда. Позже это стало важнейшей категорией в философии Маркса. Этот «парадокс» нашел свое отражение и в биополитике: знание попадает в зависимость властных отношений, что означает политизацию науки, и, исходя из сложившегося отношения власти и знания, развитие знания предполагает ограничение свободы.

Изменения происходят не только в политической сфере жизни общества. Как мы знаем, в начале Нового времени наука становится направленной на практическую пользу, не только на изучение мира, но и на преобразование. Одновременно с этим ее принципом становится отказ от всего привносимого человеком, от всего ценностного, мешающего объективному познанию. Однако когда происходит смена типа научности, когда наука уже не может игнорировать влияние исследователя, для ученого встают вопросы нравственного характера, что позволяет социальным и политическим интересам влиять на процесс познания ученого. И когда это происходит, мы вправе говорить о политизации знания.

Таким образом, вопрос о политизации научного знания в контексте биополитики переворачивается, так как мы видим, что политизация знания – это процесс, начавшийся еще до биополитики. Впоследствии именно знание стало одним из главных оснований современного типа управления. Институты власти все

чаще обращались к научному знанию для рационализации публичного пространства, и научное знание, соответственно, сыграло важную роль в развитии государственной власти. Подобным образом медицина оказала огромное влияние на развитие способа управления государством. Кроме того, когда политическая власть осознала необходимость в научном знании, она «инициировала» создание таких наук, задача которых состоит в том, чтобы предоставлять политическим институтам научное знание для управления обществом: во-первых, это, конечно же, экономика, а также такие науки, как статистика, и наиболее показательный пример – “Polizeiwissenschaft” – «теория и анализ всего “того, что стремится к утверждению и увеличению могущества государства, к правильному использованию его сил, к дарованию счастья его подданным”» [9, с. 433]. К слову о статистике, Фуко отмечает, что эта наука была создана именно для того, чтобы государство могло работать с населением, то есть обществом как биологической массой, что и стало одним из факторов становления биополитики как способа управления обществом.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать однозначный вывод о связи между знанием и властью в истории западноевропейского общества. Именно из этой связи и появляется биополитика как качественно новая форма управления, о которой писал Фуко. Именно политизированное знание стало одним из факторов появления нового типа управления. Научное знание позволило политической власти трансформироваться в качественно новую форму власти, и в рамках нового типа управления, в рамках биополитики, политизированная наука стала инструментом сохранения и развития власти, инструментом решения задач биополитики.

Выше уже было сказано, что задачи биополитики сводятся к трем пунктам: во-первых, контроль желания населения, во-вторых, контроль показателей жизни населения (рождаемость, смертность, болезни и т.д.) и, в-третьих, создание иллюзии свободы. Очевидно, что ответы на все запросы биовласти, которые возникают при попытке ее реализации, по большей мере способны дать научное знание. Как было сказано ранее, научное знание, которым пользуется власть, в определенный момент разделилось на две категории: во-первых, это знание, присущее самой политической науке, то есть такое знание, которое необходимо для управления; во-вторых, знание, которое выходит за рамки политической науки, знание из других областей науки, присущее не тому, кто управляет государством, а специалисту-ученому. Именно с этих пор ученый получает место на политической арене. Мнение ученого-эксперта становится важнее, чем мнение военного стратега или духовного наставника. Однако не менее важен и тот факт, что и ученый сам оказался в ситуации биополитики, и те отношения власти, которые действуют на население, действуют и на него. Именно здесь берет начало качественно новое отношение между политикой и наукой.

Заключение

Итак, двигаясь к ответу на вопрос о политизации знания в ситуации биополитики, мы пришли к ряду важных **выводов** о самой биополитике и характере связи между знанием и властью.

Во-первых, мы выяснили, что биополитика является современным типом управления обществом, основывающимся на представлении о населении как множестве биологических существ – личность же только мешает проявлению биовласти. Также в ситуации биополитики происходит управление желанием населения, за что отвечают институты здравоохранения, полиции, образования и т.д. Во-вторых, было отмечено, что связь между знанием и властью имеет фундаментальный характер для любого типа управления, невозможно осуществлять власть, не опираясь при этом на знание, и наоборот. Затем мы рассмотрели примеры взаимодействия власти и знания в Античности и в Новое время и увидели, как институты власти и знания взаимодействуют друг с другом, будучи при этом независимыми друг от друга, а также как наука постепенно выходит на политическую арену и в конце концов заявляет о своих правах на управление обществом. И наконец, мы пришли к выводу, что наука, будучи независимым источником знания для управления обществом, все чаще стала следовать политическим и экономическим целям, что в итоге привело к ее политизации, а затем и появлению биополитики, для которой политизированное знание является одним из условий своего существования.

В качестве заключения стоит отметить, что политизация науки в ситуации биополитики не имеет такой тотальный характер, как это было при фашизме и сталинизме. Вероятно, это связано с тем, что в научном сообществе остается представление о классических идеалах научности, и благодаря особым научным практиками как внутри научных исследований, так и вне них у ученого сохраняется отношение к себе, его этос, что позволяет избежать полной политизации научного знания в контексте биополитики.

Список источников

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
3. Бряник Н. В. Социальный статус и этические проблемы неклассической науки // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. № 3. С. 5-19.
4. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической идеологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
5. Касавин И. Т. Философия науки и политическая философия: новое партнерство // Политическая концептология. 2016. № 1. С. 92-104.
6. Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
7. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. III. С. 80-421.

8. **Степин В. С.** Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
9. **Фуко М.** Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
10. **Фуко М.** Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 278-302.
11. **Фуко М.** Мишель Фуко. Ответы философа // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 172-192.
12. **Фуко М.** Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
13. **Фуко М.** О генеалогии этики: обзор текущей работы / пер. с англ. А. Корбута // Логос. 2008. № 2 (65). С. 135-158.
14. **Фуко М.** Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону воли, знания и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.
15. **Фуко М.** Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
16. **Фуко М.** Что такое просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 335-359.

POLITIZATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF BIO-POLITICS

Gallyamov Roman Il'mirovich

Saint Petersburg University

gallyamovri@gmail.com

The article considers the interrelation of science and politics in the modern society. Due to historical interrelation of science and power, modern science has become involved in the political process. Bio-politics as a new type of social administration uses scientific knowledge to justify the need for authority and its preservation. The paper analyses the process of knowledge politization making a retrospective insight into Antiquity and the Modern Period when scientific knowledge was autonomous and had nothing to do with politics. The analysis indicates that politization of knowledge predetermined the development of bio-politics in the XIX century.

Key words and phrases: politization of knowledge; bio-politics; classical/non-classical type of scientific rationality; population; scientific knowledge; political power.

УДК 13

Дата поступления рукописи: 01.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.21>

В представленной статье рассмотрены сущностные аспекты стратегии социобиоэкоэволюционного развития, охарактеризованы предпосылки ее реализации. Подчеркивая функциональное и генетическое единство человека и живого вещества, автор отмечает, что в рамках актуализации экологических проблем важной задачей человечества становится создание условий, необходимых для полноценного функционирования живых организмов как фактора, обеспечивающего динамическую стабильность глобальных параметров биосферы в пределах, допускающих существование на Земле разумного человечества.

Ключевые слова и фразы: биосфера; живое вещество; мыслящее вещество; ноотренды; природа; человек.

Смирнов Сергей Владимирович, к. филос. н., доцент

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

sunstability@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ СОЦИОБИОЭКОЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: СУЩНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ

Сегодня человечество сталкивается с рядом экологических проблем, от характера решения которых зависит будущее цивилизации. К важнейшим из этих проблем относятся: ухудшение качества окружающей среды, снижение природно-ресурсного потенциала биосферы, разрушение естественных условий существования человека и живых организмов.

Перечисленные проблемы ставят задачу разработки концептуальных основ стратегии социобиоэкоэволюционного развития. Осмыслению сущностных характеристик данной стратегии посвящены работы целого ряда отечественных мыслителей, в том числе Н. Н. Моисеева, В. П. Казначеева, А. В. Трофимова, А. И. Субетто, А. Д. Урсула, В. Г. Афанасьева, Э. В. Гирусова и других. В работах данных авторов рассматриваются предпосылки перехода общества к коэволюционному взаимодействию с биосферой [6], космопланетарные аспекты интеллектуальной эволюции человечества как функции и части живого вещества [4], социально-экологические предпосылки выживания человечества в условиях сохранения естественного состояния биосферы [11].

Несмотря на высокую концептуально-теоретическую значимость разрабатываемых идей, взгляды перечисленных исследователей характеризуются некоторой односторонностью. Эта односторонность заключается в рассмотрении человека как части живого вещества, связанной с природой лишь *генетически*, но никак